ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-219-227

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОБРАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Елена Викторовна Волохова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507*

Аннотация. *Целью исследования* является осмысление социокультурного антропогенеза российского общества в контексте формирования образов общественной и личной безопасности. Принципиально важной для автора статьи становится критическая оценка общественной и личной безопасности через массовые настроения россиян. Также автор статьи определяет цель исследования в понимании взаимозависимости образов общественной и личной безопасности социокультурного антропогенеза российского общества.

Методологическую базу исследования представляют работы в сфере социальной философии и социологии, направленные на междисциплинарный эффект исследования, так как предметная сфера исследования содержит определение социокультурного антропогенеза как формы сфер социальной жизнедеятельности, заданных конкретным типом личности. В таком контексте авторская позиция состоит в выборе теоретико-методологического конструкта исследования, направленного на выявление зависимости образов общественной и личной безопасности от типов личностей в современном российском обществе.

Результаты исследования. Реализуя заданную исследовательскую стратегию, автор статьи приходит к выводу о том, что, во-первых, в современном российском обществе под влиянием разнонаправленных типов личностей как результатов социальной дифференциации и формирования социальных параллельных миров сложно говорить о дискурсе общей и личной безопасности в общественном пространстве. Во-вторых, анализируя образы общественной и личной безопасности в основных социальных группах и слоях российского общества, автор делает вывод о том, что представления и установки, ориентированные на безопасность, характеризуются смысловыми доминантами в социальной жизнедеятельности групп и слоев российского общества. В-третьих, подчеркивается, что образы общественной и личной безопасности содержат влияние государственнической традиции, что объяснимо в культурно-историческом контексте и социального опыта россиян, связанного с оценкой и осознанием безопасности как альтернативы социальному и политическому хаосу.

Перспективу исследования составляет проблема достижения консенсуса в российском обществе общественной и личной безопасности, что является сложным и долгосрочным процессом в контексте противоречивости типов личностей в российском обществе и их разнонаправленности социальных самооценки и понимания того, что может восприниматься как «хорошее» или «нормальное».

Ключевые слова: образы общественной и личной безопасности, современное российское общество, социокультурный антропогенез, параллельные социальные миры, культурные различия, социальная неопределенность, социальный порядок, социальный хаос

Для цитирования: Волохова Е. В. Социокультурный антропогенез российского общества: образы общественной и личной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 219–227. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-219-227>.

Original article

SOCIOCULTURAL ANTHROPOGENESIS OF RUSSIAN SOCIETY: IMAGES OF PUBLIC AND PERSONAL SECURITY

Elena V. Volokhova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

Abstract. *The purpose of the study is to comprehend the socio-cultural anthropogenesis of Russian society in the context of the formation of images of public and personal security. Critical assessment of public and personal security through mass sentiments of Russians becomes fundamentally important for the author of the article. Also, the author of the article defines the purpose of the study in understanding the interdependence of images of public and personal security of the socio-cultural anthropogenesis of Russian society.*

The methodological basis of the research is represented by works in the field of social philosophy and sociology aimed at the interdisciplinary effect of research, since the subject area of the study contains the definition of socio-cultural anthropogenesis as a form of spheres of social activity defined by a specific type of personality. In this context, the author's position is to choose a theoretical and methodological research construct aimed at identifying the dependence of public and personal security images on personality types in modern Russian society.

The results of the study. Realizing the given research strategy, the author of the article comes to the conclusion that, firstly, in modern Russian society, under the influence of multidirectional personality types as the results of social differentiation and the formation of social parallel worlds, it is difficult to talk about the discourse of general and personal security in public space. Secondly, analyzing the images of public and personal security in the main social groups and strata of Russian society, the author concludes that security-oriented ideas and attitudes are characterized by semantic dominants in the social life of groups and strata of Russian society. Thirdly, it is emphasized that the images of public and personal security contain the influence of the state tradition, which is understandable in the cultural and historical context and the social experience of Russians associated with the assessment and awareness of security as an alternative to social and political chaos.

The perspective of the research is the problem of achieving consensus in the Russian society of public and personal security, which is a complex and long-term process in the context of the

contradictory types of personalities in Russian society and their divergent social self-esteem and understanding of what can be perceived as «good» or «normal».

Keywords: *images of public and personal security, modern Russian society, socio-cultural anthropogenesis, parallel social worlds, cultural differences, social uncertainty, social order, social chaos*

For citation: *Volokhova E. V. Sociocultural anthropogenesis of Russian society: images of public and personal security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 219–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-219-227>.*

Актуальность. Современный мир характеризуется различными параметрами, среди которых обычно употребляются «глобализируемый мир», «эпоха позднего модерна», «мультикультурный мир». Вместе с тем важным моментом осмысления состояния эпохи, в которой мы живем, является социальная неопределенность, социальная турбулентность, неясность сценариев будущего, что в совокупности с глобальными рисками климатического и пандемического свойства ставит жизнь современного общества под «вопрос» [3]. Речь идет о том, что в контексте вышеизложенного очевиден кризис общественной и личной безопасности, утрата на уровне повседневной жизни и массового сознания уверенности в будущем, идентификации с обществом и государством в контексте стабильности и предсказуемости [2].

Также становится ясным, что в современных условиях понимание безопасности принимает несколько иной смысл, чем в эпоху модерна. Если в рамках классической социальной мысли безопасность проецировалась на состояние общества, связанное с устойчивым социальным порядком, недопущением социальной анархии и социального хаоса, с потребностью в сильном государстве, современная эпоха диктует восприятие безопасности как вероятностной категории, как того, что не нацелено на абсолютные измерения, а содержит смысл в критерии оптимальности, в минимизации социальных и технологических рисков и главное — в способности общества к адаптации изменяющихся условий [10].

Актуальность проблемы общественной и личной безопасности выявляется в феномене катастрофического или алармистского массового сознания, в разрушении межличностных коммуникаций в контексте достижения порядка и консенсуса по поводу красной

черты, за которой может возникнуть ситуация лавинообразности, эффекта «падающего домино». В российском обществе, где сильна традиция государственности, безопасность в обоих измерениях определяется отношением к государству как к гаранту высшей инстанции, вне которой общество не может существовать и воспроизводиться как целостность [1]. Однако, внутренние и внешние вызовы, которые мы наблюдаем повседневно, характеризуют нарастание тревог и страхов в массовом сознании, и общественная безопасность теряет привычные смысловые контуры, становится амбивалентной, размытой, перемещается на групповой и личностный уровень. Естественно, рано говорить о том, что в обществе доминирует принцип «спасайся, кто как может» и что в контексте социальной поляризации явно проявляется диспропорция безопасности, трансфер социальных рисков в обездоленные слои общества, в неповоротливость бюрократических структур, как следствие — происходит деформация образов общественной и личной безопасности [11].

Другими словами, формируются конструкты безопасности, определяемые логикой социальной дифференциации и социального выживания. В рамках действующего социального порядка можно говорить об идеальных и реальных образах общественной и личной безопасности. В контексте идеальности общественная безопасность воспринимается как стабильный социальный и политический порядок, который является результатом насилия и вмешательства со стороны государства по отношению к антисистемным группам, к предотвращению технологических и природных рисков и мобилизации ресурсов государства и общества как адекватной реакции на негативное явление и процесс [17].

Отсюда следует рост социальной апатии и недовольства по поводу состояния общественной и личной безопасности в российском обществе, ностальгия по временам «сталинского» порядка, ориентация на ожидание того, что вновь вернется принцип «твердой руки» и железной дисциплины [12]. Эти настроения нельзя характеризовать как укоренившиеся: в большей степени они отражают недовольство существующим положением дел в сфере общественной и личной безопасности, но не определяются поворотами общества в прошлое, являясь «продуктом» социального воображения. В этом контексте освещается влияние концепции абсолютной безопасности, которая не была реализована и в предшествующий советский период, так как является идеологической иллюзией нарастающих вызовов современного мира так же, как и личная безопасность в современном российском обществе в определенной степени укрепились по сравнению с периодом «шпаны и уголовщины» предшествующего времени, что особенно проявилось в начале 2000-х гг., когда государству удалось преодолеть этнические и гражданские конфликты, сформировать единое политико-правовое пространство, повысить авторитет структур общественной безопасности [7].

Сложившаяся конфигурация общественной и личной безопасности делает целесообразным исследовательский акцент на образах общественной и личной безопасности российского общества как сферы межличностных, групповых и системных общественных отношений в рамках воспроизводства социального порядка и предотвращения социального хаоса. В 90-е гг. XX в. выработалась модель общественного «анархизма», консенсуса по поводу границ невмешательства государства и личности в сферы установленной компетентности. Реально это было связано и с возникновением новых социальных слоев, настроенных на индивидуализм и недоверие к государству, и с тем, что государство ориентировалось на самосохранение, на держание ситуации под минимальным контролем, на принятие компромиссов в сфере безопасности, допускающих расширение сферы социальных и политических рисков [8]. Современная ситуация содержит кризисные явления, но на наш взгляд, она не является зеркальным отражением эпохи

90-х гг. XX в., так как в действие вступает социокультурный антропогенез, формирование человека, современного общества с антропологическим типом, основанным на принятии рациональных оснований, связанных с логикой выживания и успеха. Данное положение нуждается в теоретической проработке и возможности эмпирической идентификации, что делает необходимым определение теоретико-методологических ориентиров социального анализа.

Методология исследования. Можно согласиться с тем, что уже во второй половине XIX в. развитие науки и практики не удовлетворяется общими представлениями о человеке, постулируемыми классической философией, ей вменяется схематизм, противоречия по поводу оценки различных обществ и структур, которые явно не подпадают под абстрактные определения. Действительно, положение классической философии о человеке «вообще» и как следствие понимание безопасности как проявления неразумности иррациональности в общественной жизни и поведение человека определяют «мрачный образ» общественной безопасности, так как в контексте философской классики безопасность может достигаться только сохранением общественной и личной разумности, приверженности закону и порядку [14]. Между тем возникает необходимость исследований, основанных на принципах комплиментарности и парадоксальности, ориентированных на определение культурно-исторического контекста общественной и личной безопасности и отношения к социальному антропогенезу, в рамках конкретного социального взаимодействия, и культурной антропологии, фиксирующей внимание на нормативных механизмах социального взаимодействия [13].

Но в этом смысле нельзя спешить с обобщениями. Казалось бы, оправданный поворот социальной и культурной антропологии реально содержит «подводные методологические камни», указанные альтернативы к классическому подходу формировались в рамках этнографии с социальной психологией как частных дисциплин, изучающих особенные общества и особенные смыслы социального взаимодействия. Задача адекватного социального исследования состоит в том, чтобы опреде-

лить интегративное понятие социальной, общественной и личной безопасности, синтезирующее частные подходы и концептуальный уровень. Для теории важно, чтобы общественная и личная безопасность содержала возможность остановиться на какой-то теоретико-методологической позиции, найти соответствие между научной картиной мира и реальными событиями современного общества [15].

Итак, необходимой становится выработка концепции общественной и личной безопасности, основанной на понимании ее смысла в общественном сознании, исходя из того, что общественное сознание включает теоретический социально-практический уровень, но большинство индивидов ориентируется на образы и представления. Реальным исследовательским шагом становится определение образов общественной и личной безопасности на основе жизнепрактических смыслов как антропогенного проявления того, что связывает предметные, темпоральные и социальные аспекты [4]. Конкретизируя это положение, мы определяем, во-первых, образы как имеющую теоретические ограничения и допущения сферу, во-вторых, исходим из связи образов с прошлым и будущим, то есть основываемся на оценке социальной уверенности и социального доверия, в-третьих, важным моментом является социальная мотивация, определяемая образами общественной и личной безопасности.

Действительно, сложно интерпретировать образы общественной и личной безопасности в российском обществе, основываясь на структурных и функциональных показателях, что выявляет некоторую ограниченность принятых теорий социального риска, социальной неопределённости и «индивидуализированного общества». Потребность в монизме объяснения вызывает желание предложить непротиворечивую концептуальную схему, но на наш взгляд, сами образы безопасности в российском обществе выражены недостаточно отчетливо, требуют актуализации индикаторов реального влияния социального антропогенеза на образы безопасности [5].

Это означает, что в рамках теоретико-методологического выбора целесообразно исходить из ключевого понимания социального антропогенеза, в то время как ошибкой является постановка в качестве смысловой доминанты образов безопасности, имеющих,

как мы отмечали, амбивалентный смысл и в силу этого сужающих возможности охарактеризовать влияние социального антропогенеза. Действительно, образы безопасности включены в реконструкцию социальных жизненных форм, определяющих организацию социальной жизнедеятельности, когда исследователь фиксирует образы безопасности в контексте общественных настроений, следовательно, мы имеем дело только с внешним срезом, так как данная проблема восходит к схеме социального воображения того, каким образом человек как представитель социального порядка нацелен на общественную безопасность. И не менее важен анализ «внутреннего мира современного человека» как проекции индивидуального бытия, направленный на создание границ общественной и личной безопасности.

Материалы исследования. Подчеркивая, что социокультурный антропогенез российского общества характеризуется становлением не только нового типа личности, формирующегося в принципиально иных по сравнению с предшествующим периодом общественного развития условиях, в контексте того, что мы можем назвать социальными трансформациями, следует придерживаться позиции, согласно которой исследователь обязан признавать различный адаптивный потенциал индивида и социальных групп и актуализацию различных векторов в стратегии адаптации.

Очевидно, что принятие исходной схемы социокультурного антропогенеза подразумевает анализ не только конкурирующих теорий и их критической оценки понимания того, какое мы хотим построить общество и какого рода социальные изменения должны осуществлять. Это является фундаментальным вопросом в интерпретации образов общественной и личной безопасности в российском обществе. Мы уже отмечали, что образы безопасности эпифеноменальны, что их содержание и смысл определяются смыслом и целью жизни конкретного индивида и той ситуации, которая складывается в массовом сознании относительно общественной безопасности. В российском обществе, к сожалению, не сложилась культура общественной и личной безопасности как совокупность ценностей и диспозиции, определяющих безопасность фунда-

ментальной ценностью, которая мотивирует как функциональность социальных институтов, так и готовность индивида к мобилизации концентрации усилий по поддержанию общественной и личной безопасности [6].

В то же время можно отметить, что образы общественной и личной безопасности дифференцированы, испытывают влияние социального и исторического опыта. Здесь главный момент состоит в том, что в российской истории доминантой являлась потребность в общественной безопасности как результате деятельности государственных структур, которая укладывалась в схему поддержания порядка, предотвращения антисистемных явлений и действий, социальной изоляции групп, представляющих угрозу существованию и безопасности российского государства. Безусловно, не следует искать истоки такой позиции, характеризующие российское общество, в историческом контексте в прошлом. На образы общественной и личной безопасности в современном российском обществе влияет совокупность социальных и ментальных факторов, что выражается и в существовании параллельных социальных миров (различия в образах безопасности элиты, субэлит, среднего класса, низкостатусных слоев российского общества, жителей городов и провинций). Обосновывая это положение, мы исходим из того, что для российской элиты, составляющей 0,8–1,2% взрослого населения, общественная безопасность интерпретируется в контексте стратегии обогащения и овладения властью, что элитные слои заинтересованы в безопасности как сохранении «статуса-кво», воспроизведении схемы социального неравенства, определяемой логикой богатства и власти, что в российских условиях является интегрированным фактором [9].

Для субэлитных слоев, которые примыкают к элите и характеризуются высокостатусными социальными позициями, определяемыми высокими доходами в контексте сотрудничества с элитами на экономическом, интеллектуальном, культурном уровнях, образы общественной и личной безопасности являются «вторичными» по отношению к социальной самооценке, к тому, чтобы состояние безопасности соотносилось с сохранением достигнутых социальных позиций. И в этом смысле

элиты и субэлиты являются «союзниками», так как, несмотря на демонстрацию идеологических и политических разногласий (условное деление на «государственников» и либералов), проявляют солидарность по отношению к угрозам, исходящим от массового протестного движения в обществе и формирования левых антисистемных сил. Для них, несмотря на критическое отношение к политике безопасности, к «авторитаризму» действующего политического режима, неизменным является сохранение ресурсов богатства и власти и поддержания схемы социальной жизнедеятельности, обеспечивающей неприкосновенность собственности и доминантные властные позиции. Это очевидно проявляется в следующем: когда речь заходит о проблемах общественной и личной безопасности, на первый план выходят согласия по поводу недопущения «великих потрясений» (Россия исчерпала лимит революций). Не менее важен запрет на пересмотр итогов приватизации, а также большей открытости политической системы.

Для так называемого «среднего» класса российского общества, существование которого подвергается сомнению по причине несоответствия выработанной в социологической и социальной мысли за рубежом концепции, мы исходим из того, что средний класс в России существует в российском варианте, что сложилась социальная группа, составляющая 10–15% социально-активного населения, которое объединяет лиц «свободных профессий», работников сферы среднего бизнеса и госслужащих, занятых в среднем звене управления. Характерным для них и примыкающих к ним слоев является понимание общественной безопасности как поддержания социальной и политической стабильности с допущением выверенных, планируемых изменений со стороны государства с целью предотвращения внутренних угроз общественной безопасности. Для российского среднего класса свойственен ориентир на достижение баланса общественной и личной безопасности, что делает актуальным повышенное внимание к защите прав и свобод личностей, а также состоянию общественной безопасности на улицах российских городов. Вместе с тем образы общественной и личной безопасности в массовых настроениях российского среднего класса характеризуются разнонаправленностью, делением на неотреагиро-

налистов и achievers, тех, кто делает упор на усиление общественной безопасности посредством государственных институтов, и тех, кто основывается на большей автономии в вопросах личной безопасности, считая, что обязанность государства — создать позитивные условия для личной стратегии поддержания безопасности. Здесь важным моментом является определение границ вмешательства государства в частную жизнь граждан, сферу повседневной деятельности, связанной с социальным взаимодействием на личностном и групповом уровнях [16]. Каждый четвертый россиянин является «бедным», относится к социально неадаптированным слоям населения, его социальная жизнедеятельность характеризуется сужением социальных контактов тенденциями социальной самоизоляции и «геттоизации». Это является важным моментом формирования образов общественной и личной безопасности, где значимым является место жительства, так как в российских мегаполисах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, образовались криминальные районы с низким уровнем личной безопасности. В таком контексте для низкостатусных социальных групп доминантой становится недопущение нисходящей социальной мобильности, уход от маргинализации, от социального дна. Образ общественной безопасности является политически нейтральным и связан с ожиданиями государственной опеки, социальной помощи и отсутствием политически значимых потрясений. В этом смысле статусные социальные группы выражают апатию, не доверяют политическим партиям и являются сторонниками формулы «лишь бы не было хуже». Личная безопасность определяется созданием социальной микросреды, поддержкой родных и близких, отсутствием рисков домашнего и уличного насилия. В то же время в российском обществе наблюдается рост социального одиночества (подобно чувству выражает 20% россиян), что затрудняет формирование позитивной атмосферы и плодотворной дискуссии вокруг проблем внутренней и внешней безопасности.

Образы общественной и личной безопасности в современном российском обществе, таким образом, определяются тенденциями социокультурного антропогенеза, схемами социального взаимодействия, формируемыми фактором социальной дифференциации

наиболее значимых социальных взаимоотношений. Однако социальные различия усиливаются культурными развлечениями, создающими размытость образа общественной безопасности и противоречивость образов личной безопасности. Это обстоятельство делает сложным достижение баланса общественной и личной безопасности, особенно под влиянием группового и личного эгоизма, роста социального безразличия и морального реалитивизма. Иными словами, сформировался доминантный тип личности, которая характеризуется как безразличная. Это выражается в том, что, несмотря на различия жизненных стилей (гламур, потребительство, выживание), для российского общества очевидным является социокультурный антропогенез, который характеризуется исчезновением «советского человека» и формированием типов личности, имеющих диапазон от социальных рецидивов и ностальгии по безопасному прошлому и сильному государству до срединного типа, характеризуемого ситуативными оценками общественной и личной безопасности и социальной депривации, ведущей к отказу от социально активной позиции. Когда в российском обществе начинаются дискуссии о границах самообороны или возможностях самоорганизации граждан в рамках обеспечения общественной и личной безопасности, нельзя игнорировать социокультурный антропогенез российского общества, практический переход большинства взрослого населения на определение сферы общественной безопасности как заботы государства и включения личной безопасности в сферу частной жизни.

Список источников

1. Базовые ценности россиян. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 382 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 303 с.
5. Бурдье П. Начала. М.: Социологос, 1994. 288 с.

6. Бурдые П. Социология политики. М.: Социологос, 1993. 336 с.

7. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса. Ростов н/Д — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 278 с.

8. Жижек С. Год невозможного. М.: Европа, 2012. 272 с.

9. Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности. М.: Academia, 2008. 272 с.

10. На перепутье. М.: Логос, 1999. 240 с.

11. Проблемы теоретической социологии. Выпуск №11. СПб.: Астерион. 256 с.

12. Пути России. Альтернативы общественного развития. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 600 с.

13. Социальная философия. Словарь. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

14. Социальная эпистемология. Идеи. Методы. Программы. М.: Канон+, 2010. 712 с.

15. Стевенсон Л. Десять теорий о природе человека. М.: Слово/Slovo, 2004. 230 с.

16. Трудолюбков М. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

17. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита, 2004. 208 с.

References

1. Bazovye cennosti rossijan [Basic values of Russians]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2003. 448 p. (In Russ.).

2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Moscow: Logos, 2002. 390 p. (In Russ.).

3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 382 p. (In Russ.).

4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social construction of reality]. Moscow: Medium, 1995. 303 p. (In Russ.).

5. Burd'e P. Nachala [The beginning]. Moscow: Sociologos, 1994. 288 p. (In Russ.).

6. Burd'e P. Sociologija politiki [Sociology of politics]. Moscow: Sociologos, 1993. 336 p. (In Russ.).

7. Volkov Ju. G., Lubskij A.V. Rossijskaja real'nost' v prostranstve sociologicheskogo diskursa [Russian reality in the space of sociological discourse]. Rostov-on-Don — Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2018. 278 p. (In Russ.).

8. Zhizhek S. God nevozmozhnogo [The year of the impossible]. Moscow: Evropa, 2012. 272 p. (In Russ.).

9. Zubok Ju., Chuprov V. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti [Social regulation in conditions of uncertainty]. Moscow: Academia, 2008. 272 p. (In Russ.).

10. Na pereput'e [At the crossroads]. Moscow: Logos, 1999. 240 p. (In Russ.).

11. Problemy teoreticheskij sociologii [Problems of theoretical sociology]. Issue №11. Saint Petersburg: Asterion. 256 p. (In Russ.).

12. Puti Rossii Al'ternativy obshhestvennogo razvitija [Ways of Russia. Alternatives to social development]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 600 p. (In Russ.).

13. Social'naja filosofija. Slovar' [Social philosophy. Dictionary]. Moscow: Akademicheskij projekt, 2003. 560 p. (In Russ.).

14. Social'naja jepistemologija. Idei. Metody. Programmy [Social epistemology. Ideas. Methods. Programs]. Moscow: Kanon+, 2010. 712 p. (In Russ.).

15. Stevenson L. Desjat' teorij o prirode cheloveka [Ten theories about human nature]. Moscow: Slovo/Slovo, 2004. 230 p. (In Russ.).

16. Trudoljubov M. Ljudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoe prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. 246 p. (In Russ.).

17. Shkaratan O.I. Rossijskij porjadok: vektor peremen [Russian order: vector of changes]. Moscow: Vita, 2004. 208 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 30.11.2021; approved after reviewing on 05.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia